

Смертоносное заклятие, расползающееся по телу, нисколько не пугало Мо Линя. Для него, чистокровного демона, эти чернильные плети скверны казались даже... милыми.

В руках Цзи Юаньчу замерли призрачные талисманы, жутко повиснув прямо в воздухе. Его одежда, разорванная в клочья, висела грязными тряпками, едва прикрывая тело. Цзи Юаньчу редко доводилось бывать в столь жалком, унижительном положении.

Он был даосом, а среди них всегда ценилось умение держать лицо и марку. Даже когда Юаньчу со скандалом покидал свой орден, он не позволял себе выглядеть так грязно и убого.

Он и представить не мог, что Мо Линь владеет Техникой Иллюзорного Взора. Знай он об этом заранее, ни за что бы не стал испытывать судьбу, раз за разом наступая на горло спящему тигру.

Мо Линь крепко сжал его шею. Его пальцы мягко поглаживали кожу, словно демон медлил, взвешивая решение.

Как же лучше поступить? Придушить его на месте? Или все-таки... придушить?

Мо Линь с трудом сдерживал жажду крови. Этот даос давно стал для него костью в горле, занозой под ногтем, которую безумно хотелось вырвать.

Наклонившись к самому уху пленника, Мо Линь вкрадчиво прошептал:

— Лу Юньцзи наконец-то показал свой лисий хвост.

Цзи Юаньчу вскинул голову и смерил демона ледяным взглядом.

— Его главным просчетом было убийство солдат Армии Таинственных Символов, — продолжил Мо Линь. — Если бы эти псы остались живы, я бы ни за что не связал их гибель с пожаром в Мастерской Цицяо.

Мо Линь наконец разжал пальцы и уставился на даоса тяжелым, давящим взглядом:

— Лу Юньцзи переродился в теле деревянной куклы, сменив имя. Ты из кожи вон лез, убеждая меня прочесать городских заклинателей, а значит, все обстоит с точностью до наоборот. Наверняка он теперь в шкуре какого-то демона. Чжубай рассудил точно так же: неспроста ведь он первым делом явился с расспросами в Канцелярию Трех Иней.

Мо Линь обладал чутьем матерого волкодава: малейшая зацепка — и он уже шел по следу. Пока Чжубай и Цзи Юаньчу своими методами выслеживали переродившегося гения с Горы Великой Чистоты, сам Главный посланник Мо и пальцем не пошевелил. С самого начала он планировал изящный маневр: дожидаться, пока другие сделают за него всю грязную работу, а после явиться в роли торжествующего хищника.

— Он стал демонической тварью, — отрезал Мо Линь.

— И печать с Реки Небесной Воды ты сорвал вовсе не ради спасения Девы-змеи. Тебе нужно было подать весть Лу Юньцзи. Ты решил стравить их, чтобы убрать господина Цзиня его руками.

Будучи демоном, Мо Линь прекрасно ориентировался в изнанке Города между Облаками. Грязные секреты, скрытые от посторонних глаз, для него оставались открытой книгой.

При упоминании господина Цзиня Цзи Юаньчу заметно напрягся. Даже скованный воздействием вражеской иллюзии, он упрямо держал лицо, но в этот миг его брови невольно дрогнули.

Мо Линь самодовольно хмыкнул, поняв, что попал в яблочко:

— Ло Цяоцяо, солдаты Армии Таинственных Символов, а теперь еще и господин Цзинь... Лу Юньцзи ведь пытается подобраться к Владыке Небесной Обители, верно?

Пазл складывался удивительно просто. Ло Цяоцяо давно корпел над подношением к юбилею Владыки Небесной Обители. Солдаты из Армии Таинственных Символов крутились вокруг того же дела, что и мастера Цицяо. А Цзи Юаньчу сорвал печать лишь с одной целью — привлечь внимание к персоне господина Цзиня.

Картина вырисовывалась предельно ясная: Лу Юньцзи костями ляжет, но проберется на Небесный юбилейный пир.

Зачем? Наверняка позарился на какую-то редкую щедрость. Говорят ведь, будто великий юбиляр в этот день горазд исполнять самые заветные желания гостей.

И Мо Линь очень рассчитывал, что Цзи Юаньчу любезно посвятит его в оставшиеся подробности.

Мо Линь ласково потрепал даоса по макушке, словно преданного цепного пса. Тот, кривясь от отвращения, дернул головой, уходя от прикосновения.

— Я знаю, что ты помогаешь Лу Юньцзи, — понизив голос до интимного шепота, выдохнул Мо Линь ему в самое ухо. — Знаю каждую твою лазейку.

«Знаю».

Обычные интриганы нашептывают нежности, ласкают слух медовой ложью, создавая иллюзию близости, лишь бы выудить сокровенное. Но Мо Линь действовал иначе. Его голос исходил ядовитой угрозой, похожий на шепот древней твари из Бездны. Он давил величием, заставляя трепетать, подчиняться и послушно выворачивать душу наизнанку.

Цзи Юаньчу вскинул голову. Его взгляд казался блуждающим и туманным, словно несчастный сию минуту тщетно пытался вспомнить собственное имя.

Холодный палец демона очертил переносицу даоса. Сколько бы этот беглец с Горы Вечной Юности ни извивался, сколько бы ни строил козни — сейчас он превратился в беспомощную марионетку, вещь для утех.

— Твой верный Призрачный заклинатель ведь так и не вернулся, м? — продолжил допрос Мо Линь.

Тот промолчал.

Палец Мо Линя скользнул ниже и замер на кадыке пленника.

— Он ведь знает, где укрылся Лу Юньцзи, верно?

С помощью своего прихвостня Цзи Юаньчу наверняка уже нащупал истинное логово старого друга.

— Расскажешь сам или мне все-таки придется вытрясти из тебя душу? — вкрадчиво спросил демон.

Он не торопился калечить даоса — грубое насилие претило его тонкому демоническому вкусу.

— Ха-ха-ха... — Цзи Юаньчу разразился хриплым, удушливым смехом, словно услышал уморительную шутку. — К чему такие крайности, господин посланник? Я ведь уже говорил: я целиком в вашей власти.

Эти слова, прозвучавшие до неприличия двусмысленно, заставили Мо Линя безглаголиво поморщиться.

Цзи Юаньчу подался вперед, едва не касаясь губами демонического уха:

— Главный посланник Мо... А что вы готовы предложить мне взамен?

Мо Линь повернул голову. Цзи Юаньчу даже не отпрянул — лишь вызывающе вздернул бровь. Поверженный, униженный, зажатый в тиски, этот наглец ухитрялся диктовать свои условия и набивать цену.

Лживая тварь.

Город между Облаками, дом семейства Вэнь

Су Цзюгуй прикрыл глаза, сосредоточившись на попытке проникнуть в чужое сновидение.

Он полагал, что к этой чуждой силе придется долго принаравливаться — точь-в-точь как в юности, когда он только учился подчинять себе полет меча. Однако все прошло поразительно гладко.

Он явственно ощущал, как скользит сквозь чужую ментальную преграду. Разум спящего человека лежал перед ним беззащитным, распахнутым настезь. Без малейшего труда Су Цзюгуй шагнул в чужую грезу — пеструю, полную похотливой неги. Некий обыватель упивался сладостным видением: греб лопатой золото, окруженный толпой покорных наложниц.

Су Цзюгуй решил слегка перекроить этот узор.

Наяву этот похотливый бездельник давно пускал слюни на соседку-вдову, заглядываясь заодно и на ее юную дочь-красавицу. Несколько раз он пытался соваться к ним со сватовством, но непреклонная женщина всякий раз выставляла его за порог, охаживая метлой.

В его голове постоянно зрели грязные мыслишки о том, как бы прибрать обеих к рукам. Выслеживая вдову, он вызнал, что та поднимается с первыми петухами и, наспех сготовив завтрак, уводит дочь в Храм Бога Горы. Обе они были набожны и верили, что молитвы принесут им благословение и удачу.

Сам мерзавец в богов не верил. Его заботило другое: тропа к Храму Бога Горы петляла по безлюдным косогорам, представляя собой идеальное место для подлого нападения.

Гнусный замысел зрел в его голове не первый день, переключавшись наконец и в сновидение. В этой сонной иллюзии вдова покорно звалась его старшей женой, а ее дочь — младшей, и негодай блаженно сжимал в объятиях обеих сразу.

Но стоило ему покрепче прижать к себе податливые тела, как ладони ощутили мерзкую, склизкую сырость. На ощупь кожа женщин сделалась ледяной. Обернувшись, обыватель обомлел: сидевшая слева вдова обратилась в уродливую призрачную деву.

Ее миловидное лицо поплыло, точно восковая маска у огня. Плоть с тихим шипением плавилась, обнажая желтые кости, а гнилая сукровица лениво капала прямо на волосатый тыл мужской ладони.

С девушкой по правую руку творилось то же самое. Негодяй зашелся в беззвучном крике ужаса. В один миг сладостная нега рассыпалась прахом, являя лик кошмара.

Вместо уютной опочивальни с красавицами он очутился в вонючем бесовском логове. Лежащая навзничь тварь с резким, сухим хрустом провернула шею на триста шестьдесят градусов и, извиваясь всем телом, поползла к нему.

Шугаясь от ужаса, он отшвырнул от себя вторую девицу и бросился наутек, но краем глаза заметил рассыпанное по углам золото. Жадность пересилила страх — он нагнулся схватить слиток, но тут же с воплем отпрянул, словно коснулся раскаленного угля.

Золотые слитки зашлись визгом, обращаясь в жирных, скользких жаб. Твари разевали беззубые пасти, брызжа ядовитой слюной.

«Ква-ква-ква!»

Этот мерзкий, плотный гул ввинчивался в барабанные перепонки, точно похоронный звон.

Бежать было некуда. Кольцо сжималось: отовсюду лезли уродливые ведьмы и склизкие полчища жаб. В конце концов, порочный разум труса захлебнулся в собственном кошмаре.

— Ну и чудной же ты, — раздался над ухом тихий голосок Девы-змеи.

Су Цзюгуй открыл глаза. Дева-змея сидела прямо перед ним. Подперев подбородок ладонями, она не отрывала от него пытливого взгляда.

— Я-то думала, благородные даосы брезгуют подобными глупостями, — протянула она.

Зная, что Су Цзюгуй родом с Горы Великой Чистоты, она поначалу считала его безупречным праведником. Но тот повел себя словно озорной мальчишка: едва получив власть над Змеей кошмаров, тут же бросился пугать людей ради забавы.

И ведь выбрал такую... ничтожную мишень. Растратил древнюю магию лишь на то, чтобы нагнать страху на похотливого слюнтяя, упивающегося своими грязными фантазиями.

Су Цзюгуй едва заметно улыбнулся:

— Я всего лишь толкую чужие сны.

Заглядывая в чужие сны, можно было без труда вызнать самые грязные помыслы человека и преподать ему наглядный урок. Дева-змея привыкла верить, будто истинные даосы стремятся к недеянию, а если и наставляют заблудших на путь истинный, то делают это мягким словом и кроткими поучениями. Но почему Су Цзюгуй предпочел столь варварское запугивание?

Разгадать его мотивы она не могла, но зла на него не держала.

— Ну да ладно. Не бойся, я никому не проболтаюсь.

Су Цзюгуй негромко рассмеялся, подумав про себя, что, кроме Хо Цин, ей все равно некому было бы об этом рассказать.

— Ты по-прежнему можешь входить в чужие сновидения? — поинтересовался Су Цзюгуй.

Дева-змея на миг замялась, а затем негромко призналась:

— Да, могу.

И тут же торопливо добавила:

— Только не сердись! Это получается само собой, ведь я по-прежнему привязана к твоему сознанию.

Поскольку ее душа томила в духовном море Су Цзюгуя, она сделалась неотъемлемой частью его собственного «я». До тех пор пока ее капризы не шли вразрез с его волей, она могла позволить себе некоторые вольности.

— Если тебе это претит, ты можешь просто заблокировать мои духовные каналы, — тихонько предложила она.

В его сонных видениях она мельком подглядела, как сурово он некогда обошелся со своим учеником, перекрыв тому течение духовной силы.

При упоминании духовных каналов лицо Су Цзюгуя омрачилось. В памяти невольно всплыл образ Чжубая.

Чжубай... Тот до конца дней своих остался скован печатью, которую он наложил собственноручно. Су Цзюгуй дал себе зарок: в этой жизни он больше ни за что не прикоснется к чужим духовным венам.

Дева-змея не могла прочесть его мыслей. Она лишь увидела, как дрогнули его опущенные ресницы, прежде чем донесся тихий ответ:

— В этом нет нужды.

Она уловила, как в его душе шевельнулась глухая тоска. Впрочем, Су Цзюгуй никогда не позволял чувствам брать верх — уже мгновение спустя его голос вновь обрел безупречное спокойствие:

— Ты можешь и дальше пользоваться этой силой.

— Хм? — Дева-змея с любопытством взглянула на него.

— Используй ее, чтобы облегчать чужие страдания, истолковывая сны, — пояснил Су Цзюгуй.

Она окончательно запуталась:

— Издеваться над ними, как ты только что?

— Нет, — покачал головой Су Цзюгуй. — Помогай им так же, как делала это прежде.

Ведь до того как оказаться в заточении, она только и делала, что исцеляла людские души в мире снов. Он просто возвращал ее к любимому делу.

Су Цзюгуй не терпел принуждения. Даже если род людской успел внушить ей одно лишь отвращение, он отнесся бы к этому с пониманием. Дева-змея долго сидела молча, замерев в нерешительности, а затем ее лицо озарила искренняя улыбка:

— Хорошо, я согласна.

Она широко улыбнулась, блеснув парой острых, похожих на змеиные, клыков.

Он видел: несмотря на все перенесенные мучения, эта чистая душа по-прежнему безотчетно тянулась к людям. Предательство и годы забвения так и не смогли отравить ее сердце ненавистью к жителям Города между Облаками.

Для нее обитатели этого шумного города были сродни собственным детям. В былые времена она заглядывала в дрему к каждому страждущему, даруя благодатные грезы, где не было места горю и слезам. И теперь ей до боли хотелось узнать, как сложились судьбы тех, ради кого она когда-то пожертвовала свободой.

— А почему ты сам не заглянешь в сон к кому-нибудь из старых друзей? — полюбопытствовала Дева-змея.

Мир грез не оставляет улик, там не имеют значения имена и личины. В сновидении он мог бы открыто говорить с тем же Чжубаем, оставив за порогом накопившиеся обиды и счета.

Или беспрепятственно связаться с Цзи Юаньчу, застрявшим сейчас в самом сердце демонического логова.

Су Цзюгуй ненадолго задумался, но к своему удивлению обнаружил, что среди ныне живущих не осталось ни одной души, к которой бы стремилось его сердце.

— И к кому же? — вопросом на вопрос ответил он.

— Ну, хотя бы к твоему лучшему другу? — предположила змейка.

Она соприкоснулась с самой сутью его памяти. Пусть наяву они знали друг друга всего три дня — срок до смешного короткий. Но в лабиринтах грез их невидимая связь тянулась целое тысячелетие. Пожалуй, теперь во всем мире не нашлось бы существа, понимавшего его лучше нее.

— Ты имеешь в виду Цзи Юаньчу? — усмехнулся Су Цзюгуй.

Дева-змея послушно кивнула:

— Но разве вы с ним не близкие друзья?

В те времена каждому было известно, что Лу Юньци и Цзи Юаньчу — названные братья. И пускай никто не мог взять в толк, как умудрились сойтись безупречный гений с Горы Великой Чистоты и этот взбалмошный, сомнительный даос с Горы Вечной Юности, их дружбу считали нерушимой.

Су Цзюгуй лишь покачал головой:

— Ты слишком плохо его знаешь. В этой подлунной можно довериться первому встречному разбойнику, но только не Цзи Юаньчу.

— Вот как? — Змейка недоуменно моргнула, далекая от людского лукавства и хитроумных интриг.

— Он нарочно заманил меня в твою обитель грез, не пожалев сил на Заклятие Двух Жизней.

Ему требовалось одно: чтобы либо ты растерзала меня, либо... — Су Цзюгуй на мгновение умолк, не сводя с нее глаз. — Либо чтобы я оборвал твою жизнь.

Захоти Цзи Юаньчу просто показать ему дорогу, он бы не стал заходить так далеко. Он расставил капканы с обеих сторон, ведь понимал: безумие, охватившее Реку Небесной Воды, в любом случае потребует жертв.

Если бы победила ты, погубив остатки души Лу Юньцзи, он бы явился зачищать следы и самолично вернул бы тебя под замок.

— Ну а если бы чаша весов склонилась в мою сторону и ты погибла, — ровным голосом произнес Су Цзюгуй, — он бы со спокойной совестью избавил мир от опасного чудовища.

— А если бы погиб ты сам? — тихо спросила она.

— Значит, я попросту недостоин того, чтобы топтать эту землю, — без тени сожаления бросил Су Цзюгуй.

Даже тот полубезумный Призрачный заклинатель был лишь очередной проверкой. Цзи Юаньчу до смерти хотелось убедиться, остался ли возродившийся гений прежним или превратился в жалкое ничтожество.

— Но он едва ли предполагал, что мы найдем лазейку и выживем оба, — добавил Су Цзюгуй.

По правде говоря, он и сам не рассчитывал на подобное чудо.

Тем не менее Су Цзюгуй дышал, Дева-змея обрела свободу, а Цзи Юаньчу... что ж, теперь ему не придется вздрагивать от каждого шороха по ночам, боясь прихода мстительных духов.

Дева-змея сердито насупилась. В порыве искреннего гнева ее хорошенькое личико забавно сморщилось.

— Полно тебе, — мягко оборвал ее негодование Су Цзюгуй. — Поверь, сейчас ему приходится во сто крат тяжелее, чем нам двоим.

Отдача от прерванного Заклятия Двух Жизней беспощадна и ужасна. Цзи Юаньчу обречен раз за разом проживать собственную мучительную кончину, захлебываясь в предсмертной агонии. Такую бездну страданий даже представить страшно.

— Но зачем ему это? — прошептала озадаченная Дева-змея.

Су Цзюгуй вспомнил нечто, ведомое лишь ему одному, и коротко хмыкнул:

— Вероятно, желал преподнести мне роскошный подарок.

— Подарок?

Да, щедрый дар. Юаньчу наверняка бы отвесил мне церемонный поклон, сияя от гордости за собственную находчивость, и заявил, что преподнес бесценное сокровище.

— Премного благодарен, — прошептал Су Цзюгуй, опустив взгляд на крошечную Змею кошмаров, что тонким кольцом обвивала его палец. — Дар и впрямь королевский.

Черный чешуйчатый поясок плотнее сжался вокруг фаланги.

— Впрочем, — помрачнев, добавил заклинатель, — он уже успел сдать меня с потрохами.

Окажись шкура Цзи Юаньчу в опасности, тот не раздумывая пожертвовал бы кем угодно ради спасения собственной жизни. Зная его изворотливый нрав, можно было не сомневаться: прямо сейчас даос вовсю торгует его головой.

Том III. Небесный юбилейный пир

Бегство

<http://bllate.org/book/18298/1755164>